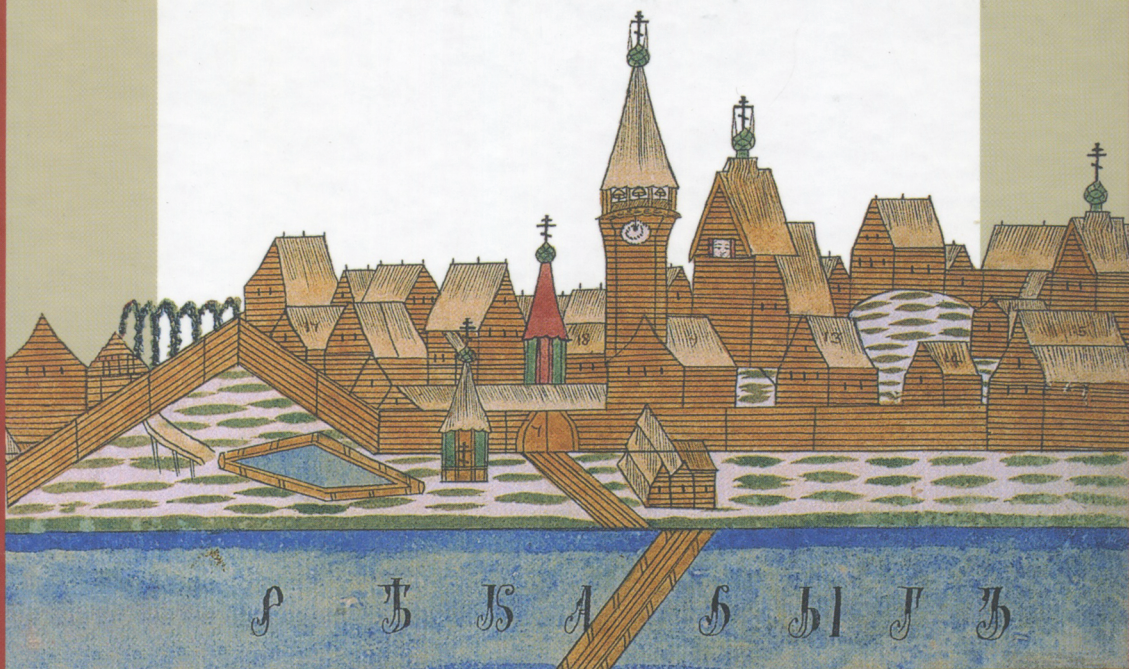

Е. М. Юхименко

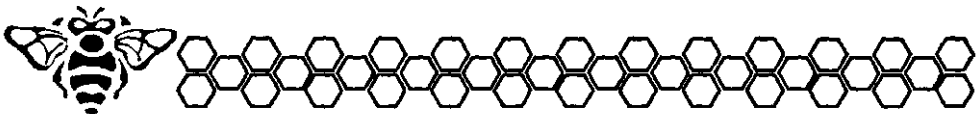
ВЫГОВСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПУСТЫНЬ

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА

STUDIA HISTORICA

Российская академия наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Государственный Исторический музей

Е. М. Юхименко

ВЫГОВСКАЯ СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ ПУСТЫНЬ

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРА

Том I

Научный редактор
Н. В. Поньрко

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2002

ББК 63.3(2)
Ю 94

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 96-04-06152

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 00-04-16049

Фотографы:

В. М. Бойко, П. А. Медведев, В. П. Родин, К. В. Сафронов

Юхименко Е. М.

Ю 94

Выговская старообрядческая пустынь: Духовная жизнь и литература. Т. I / Науч. ред. Н. В. Понырко. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 544 с.: ил. — (Studia historica).

ISBN 5-94457-033-4

Монография представляет собой впервые предпринятое исследование определяющего влияния духовной жизни и задач культурного строительства на литературу крупнейшего в России старообрядческого центра. На основе изучения документального материала и обширного рукописного наследия Выго-Лексинского общежительства восстанавливается начальная история поселения, дается анализ основных направлений деятельности выговских книжников по организации культурной и церковной жизни монастыря. В работе подробно рассматриваются сложившиеся на Выгу традиции почитания наставников и прославления благодетелей, сформировавшие литературную культуру похвальных, надгробных и воспоминательных слов и определившие характер выговской агиографии.

Во второй том вошли указатель новонайденных сочинений выговских писателей, каталог автографов выговских писателей и книжников, описание рукописно-книжного собрания Выго-Лексинского общежительства и трех редакций Поморского Торжественника, аннотированный именной указатель к «Истории Выговской пустыни» Ивана Филиппова.

Книга предназначена для историков, филологов, искусствоведов и всех интересующихся историей и культурой старообрядчества.

63.3(2)

*В оформлении переплета использованы фрагменты
настенного листа «Родословное древо Андрея и Семена Денисовых»,
настенный лист «Семен Денисов, Иван Филиппов, Даниил Викулин»
и фрагмент меднолитого складня «Деисус с предстоящими»*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-033-4

9 785944 570338 >

© Е. М. Юхименко, текст, указатели, подбор иллюстраций, 2002

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава 1. Исторические корни и духовные истоки Выга	15
Глава 2. Культурное строительство: необходимые основы	65
1. Рукописно-книжное собрание Выго-Лексинского общежительства.....	67
2. Организация церковной жизни: слова на церковные праздники и Поморский Торжественник	114
3. Иконописание и литье медных икон.....	171
4. Историческая память о старообрядческих подвижниках: проблема достоверности выговских исторических сочинений	192
5. Местные святыни: начало почитания.....	226
Глава 3. Традиции духовной жизни и литературное творчество	243
1. Родственные связи и духовное единство.....	245
2. Почитание наставников	286
3. Литературная культура надгробных слов.....	357
4. Первые киновиархи в агиографии	407
5. Отношения с другими поморскими общинами и прославление благодетелей	462
Заключение	513
Список сокращений.....	517
Список иллюстраций.....	519
Указатель имен.....	525

ВВЕДЕНИЕ

Выго-Лексинское общежитие, возникшее в 1694 г. в Поморье, сыграло значительную роль не только в истории старообрядчества как один из крупнейших его центров; также заметна его роль как одной из составляющих частей русской культуры XVIII—XIX вв. в целом: созданные в северной обители памятники книжности, иконописи, декоративно-прикладного искусства помимо церковного имели несомненно высокое художественное значение. На проходившем в 1912 г. в Москве Втором Всероссийском соборе старообрядцев поморского согласия Ф. А. Калинин (впоследствии известный реставратор живописи и коллекционер), рассказав о состоянии построек некогда процветавшего общежития, закрытого государственными властями в 1854—1856 гг., говорил: «...Известно, что вещественные памятники Выгорецкого монастырского обихода имеют не только материальную ценность, но и научное значение: книги Даниловского письма ценятся не одними старообрядцами, а вследствие художественного исполнения и интересного содержания сочинения поморских отцов приобретаются государственными книгохранилищами и любителями. Даниловскими иконами и крестами-намогильничками украшаются лучшие русские музеи и частные собрания»¹.

Изучение истории и культуры Выговского общежития началось в 1860-х гг. с введения в научный оборот и публикации выговских литературных памятников². Среди исследовательских работ XIX—начала XX в. особо выделяются труды Е. В. Барсова и В. Г. Дружинина, пользовавшихся материалами своих богатейших рукописных собраний³. Значительная часть

¹ Второй Всероссийский собор христианского поморского церковного общества. М., 1913. С. 193.

² Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., 1862; [Денисов С.] История о отцах и страдалцах Соловецких (рукопись XVIII ст.) // Есинов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии. СПб., 1863. Т. 2. Материалы и сообщения. С. 3—55; Беллев И. Д. Слово надгробное блаженныя памяти боголюбивому Выгопустынного общежития епископу Петру Прокопьевичю; сочинено того же общества господином Андреем Дионисиевичем // Русская старина. СПб., 1879. Т. 26. Ноябрь. С. 524—537; Выгорецкий летописец // Братское слово. М., 1888. № 10. С. 793—815.

³ См.: Барсов Е. В. 1) Описание рукописей и книг, хранящихся в Выголексинской библиотеке. СПб., 1874; 2) Уложение братьев Денисовых // Памятная книжка Оло-

письменного наследия пустыни нашла отражение в указателе В. Г. Дружинина «Писания русских старообрядцев»⁴. Постепенно стали появляться работы, посвященные истории общежития (Д. Н. Островский, П. Г. Любомиров, Р. Крамми)⁵, созданной здесь литературной школе (В. Г. Дружинин, Н. В. Поньрко)⁶, историческим сочинениям (Н. С. Гурьянова)⁷; на сегодняшний день изучен целый ряд отдельных памятников (Н. В. Поньрко, Н. Н. Покровский, Н. С. Демкова, Н. С. Гурьянова, А. И. Мальцев, Дж. Салливан, Д. Н. Брецинский, В. П. Бударагин, Г. В. Маркелов, Ф. В. Панченко,

нецкой губернии за 1868—1869 г. Петрозаводск, 1869. Ч. 3. С. 85—116; 3) Четыи Мишеи братьев Денисовых // Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 663—708; 4) Андрей Денисов Вторушин как выгорецкий проповедник // ТКДА. Киев, 1867. Т. 1 (янв.—март). С. 243—263; Т. 2 (апр.—июнь). С. 81—95; 5) Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в. // ТКДА. Киев, 1866. Февр. С. 174—230; Июнь. С. 168—230; Июль. С. 285—304; Дек. С. 570—588; 6) Алексей Родионов, ученик Семена Денисова // ТКДА. Киев, 1867. Т. 1 (янв.—март). С. 48—81; 7) Иван Филиппов, выговский историк и настоятель // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1867 г. Петрозаводск, 1867. С. 54—100; *Дружинин В. Г.* 1) Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; 2) Поморский Торжественник // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 34—55; 3) Поморские палеографы начала XVIII ст. // АЗАК за 1918 г. Пг., 1923. Вып. 31. С. 1—66; 4) Несколько автографов писателей-старообрядцев. СПб., 1915; 5) Подлинная рукопись Поморских ответов и ее издание // Изв. ОРЯС. СПб., 1912. Т. 12. Кн. 1. С. 53—77; 6) К вопросу об авторе сокращения «Великой науки» Раймунда Люллия // Изв. ОРЯС. СПб., 1914. Т. 19. Кн. 1. С. 342—344.

⁴ *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний. СПб., 1912.

⁵ *Островский Д.* Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914; *Любомиров П. Г.* Выговское общежитие. М.; Саратов. 1924; *Crummey R.* 1) The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg community and the Russian state. 1694—1855. Madison, Milwaukee, London, 1970; 2) Историческая схема выгорецких большевиков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90—96.

⁶ См. указанные работы В. Г. Дружинина, а также: *Поньрко Н. В.* 1) Выговская литературная школа в первой половине XVIII ст.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1979; 2) Выговское syllабическое стихотворство // ТОДРА. Л., 1974. Т. 29. С. 274—290; 3) Учебники риторики на Выгу // ТОДРА. Л., 1981. Т. 36. С. 154—162; *Crummey R.* The Cultural Worlds of Andrei Borisov // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 54. Berlin, 1998. S. 65—70.

⁷ *Гурьянова Н. С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996.

Е. М. Юхименко и др.)⁸. В последнее время был значительно расширен круг документальных источников по истории Выга, выявлены неизвестные ранее сочинения, что существенно изменило наши представления о творчестве отдельных писателей, жанровых границах и стилистическом своеобразии литературной школы.

⁸ См., например: *Поньрко Н. В.* Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРА. Л., 1974. Т. 29. С. 154—169; *Покровский Н. Н.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI—XIX вв. на востоке России. Новосибирск, 1983. С. 46—70; *Демкова Н. С.* Вновь найденный подлинник «Дела об олонецком раскольнике Терешке Артемьеве» 1695 г. // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 176—189; *Демкова Н. С., Ярошенко Л. В.* Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 174—191; *Гурьянова Н. С.* 1) «Житие» Ивана Филиппова // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 227—253; 2) Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 221—245; 3) «Описание о нелепых случаях и необычных пустынному житию действиях, внесшихся от своевольников» // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 225—246; *Мальцев А. И.* Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 224—241; *Sullivan J.* Vertograd dukhovny: an extended edition of Simeon Denisov Vinograd Rossiyskiy // Slavonic and East European review. 1980. Vol. 58. № 4. October. P. 500—523; *Sullivan J., Drage C. L.* Poems in unpublished manuscript of the «Vinograd Rossiiskii» // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1968. Vol. 1. P. 27—49; *Брецицкий Д. Н.* 1) Житие Корнилия Выговского как литературный памятник и его литературные связи на Выгу // ТОДРА. Л., 1979. Т. 33. С. 127—141; 2) Житие Корнилия Выговского Пахомиевской редакции (тексты) // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 62—107; *Поньрко Н. В., Будагагин В. П.* Автографы выговских писателей // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 174—200; *Будагагин В. П.* Биография петербургского купца Ф. К. Долгого в старообрядческом синодике конца XVIII—начала XIX в. // In memoriam: Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 321—325; *Маркелов Г. В., Панченко Ф. В.* 1) О литургическом творчестве выговцев // ТОДРА. СПб., 1996. Т. 50. С. 220—228; 2) О гимнографическом творчестве на Выгу // ТОДРА. СПб., 1999. Т. 51. С. 417—426; *Карманова О. Я.* Об одном из источников выговского Жития инока Епифания // ТОДРА. СПб., 1996. Т. 49. С. 410—415; *Юхименко Е. М.* 1) «Виноград Российский» Семена Денисова (текстологический анализ) // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 249—262; 2) Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семена Денисова — памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1991.

Изученность отдельных вопросов позволяет перейти к проблеме связи литературы и духовной жизни пустыни. Плодотворность такого подхода демонстрируют две работы Н. В. Поньрко. В одной из них исследователь показывает, как в трудный для пустыни период, связанный с заключением Семена Денисова в новгородской тюрьме в 1713—1717 гг., чувство духовного единения поддерживало всех выговцев; возникновение «духовной оседлости» привело к оседлости географической, что знаменовало собой переломный момент в истории пустыни и имело следствием расцвет литературного творчества⁹. В статье «Эстетические позиции писателей выговской литературной школы»¹⁰ в сжатом виде представлена картина культурного строительства на Выгу. Автор, в частности, пишет: «Для сторонников старой веры на первый план (к первой половине XVIII в. — Е. Ю.) выступает не проповедание истины, а задача самосохранения. Не оказавшись в состоянии “обратить” всю послениконовскую Россию, старообрядцы теперь не столько борются с ней, сколько противопоставляют ей самих себя. Пришло время культурного строительства»¹¹. В работе анализируется отличие писательского типа первых учителей староверия и книжников следующего поколения, на материале сочинений различных жанров характеризуются эстетические установки литературной школы Выга.

Определяющее влияние духовной жизни проявилось во всех сферах выговской культуры. Мощный созидательный импульс, характеризующий старообрядческое движение первой половины XVIII в., когда апостольская проповедь протопопы Аввакума и его единомышленников сменилась задачей самосохранения, отличал деятельность первых киновиархов поморской пустыни. Ими и их учениками были предприняты грандиозные — для одной старообрядческой общины и относительно небольшого временного отрезка — труды по собиранию библиотеки, составлению Торжественника, Четних Миней, устава, написанию истории старообрядчества в целом и своего общежития. Эти мероприятия выговских книжников известны в общих чертах и каждое в отдельности. Но общего исследования всего культурного строительства, его основополагающих идей и ведущих тенденций до сего времени не предпринималось. Такой

⁹ Поньрко Н. В. Проблема «культурной оседлости» на примере одного эпизода из истории Выговской поморской пустыни // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 297—303.

¹⁰ Поньрко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 104—112.

¹¹ Там же. С. 110.

подход необходим для понимания сущности выговской культуры и ее места в культуре России переходного периода и Нового времени.

Созданное в Поморье общежительство представляет собой сложное явление, сочетающее черты старого и нового.

Вполне понятно, что, организовывая общежительство, обустранивая его церковную, духовную и культурную жизнь, старообрядцы ориентировались на древнерусскую, средневековую модель. В богослужении сохранялись старопечатные книги и пение по крюковым нотам, писцы и иконописцы во всем следовали старинным приемам этого мастерства, система литературных жанров также в главных своих чертах повторяла древнюю. Поэтому выговский материал с полным основанием может служить источником при изучении проблем предшествующего хронологического периода. В подтверждение данного тезиса можно сослаться на статью Д. М. Буланина «О некоторых принципах работы древнерусских писателей», в которой как однотипные рассматриваются писательские приемы Максима Грека, протопопа Аввакума и авторов «Поморских ответов»¹².

По характеру возникновения и внутреннему устройству, религиозным и культурным задачам Выговское общежительство типологически близко к крупнейшим древнерусским монастырям. Начинаясь с затерянных в глухих лесах Обонежья келий монахов-отшельников и их учеников, оно довольно быстро (уже в начале XVIII в.) выросло в большую киновию с крепким хозяйством, должностной иерархией, регламентированным распорядком. Выг стал центром поморского беспоповского согласия, высшим его авторитетом и местом паломничества.

Старообрядческое общежительство сознательно строилось как монастырь. Его основатели воспользовались уставами Кирилло-Белозерской, Троице-Сергиевой, Иосифо-Волоколамской и Соловецкой обителей. Выписки из этих памятников встречаются уже в ранних выговских сборниках и представляют собой начальный этап выработки собственного устава пустыни. Традиции древнерусской монастырской жизни Выг впитывал не только через книги, но и непосредственно, благодаря монахам, покинувшим свои обители после введения в них новых обрядов и переселившимся на Выг.

Получили продолжение в старообрядческой общине и культурные начинания древнерусских обителей. Была собрана богатейшая библиотека рукописей и старопечатных книг, создан скрипторий, продукция которого расходилась по всей России. Подобно тому как это было в Ио-

¹² См.: Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРА. Л., 1983. Т. 37. С. 3—13.

сифо-Волоколамском монастыре (наследие которого изучено достаточно полно)¹³, на Выгу сложились разнообразные книжные формы почитания наставников: сохранялись их автографы и черновые материалы их архивов, составлялись сборники их произведений, создавались произведения историко-биографического характера.

Формирование выговской культуры происходило в Петровскую эпоху, которая по праву считается переломной в культурном развитии России. К настоящему времени литература «переходного периода» изучена достаточно полно¹⁴, но сам характер этого сложного явления, отличающегося чрезвычайной пестротой и многообразием форм, позволяет — по мере изучения нового материала — вносить необходимые дополнения в общую картину. Литературе Выга принадлежит особое место: она «дает очень многое для понимания русской культуры первых десятилетий XVIII в.»¹⁵.

Особенность выговского культурного феномена заключается в том, что он не ограничивается только продолжением древнерусских, дониконовских традиций. В некоторых отношениях образцом для выговцев служила и пышная барочная культура второй половины XVII в. Стилистическая преемственность выговских сочинений по отношению к литературе барокко не вызывает сомнений. Интереснее обнаружить сходство между московскими придворно-приказными кругами и затерянной в поморской глуши старообрядческой обителью в проявлениях литературной культуры¹⁶. Богатство художественного оформления рукописных книг,

¹³ См.: Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.

¹⁴ См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Он же. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977; Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII — начало XVIII в.). М., 1989; Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994; Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.

¹⁵ История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 416 (раздел написан А. М. Панченко и Г. Н. Моисеевой).

¹⁶ Необходимо отметить чрезвычайную плодотворность для изучения выговской школы применения понятия «литературная культура», под которой понимается вся совокупность проявлений литературности. Этот подход был научно обоснован и блестяще реализован в монографии С. И. Николаева (см.: Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи).

изготовление подносных экземпляров и отдельных листов, произнесение поздравительных и надгробных слов, поэтическое творчество показывают — казалось бы, невозможную с идейных позиций — близость культурных установок непримиримых участников религиозного спора¹⁷. Требуют подробного рассмотрения и связи Выга с литературной культурой Петровской эпохи.

Принципиально новая постановка вопроса, представленная в настоящем исследовании, — изучение литературы крупнейшей старообрядческой общины не изолированно, а в тесной связи с проблемами ментальности и духовности — стала возможной в результате значительного расширения источниковой базы. Нами было обнаружено около 460 неизвестных ранее литературных памятников выговской школы; для многих сочинений, вошедших в указатель В. Г. Дружинина, были уточнены авторство и время написания.

Многообразие и полнота привлекаемых источников позволяют представить всестороннюю картину духовной жизни Выговской пустыни и изучить характер отражения ее в литературе. Выявленные в архивах документы, дополняемые сообщениями старообрядческих авторов, дают возможность проанализировать исторические корни и духовные истоки поморского общежития. Находка значительной части выговской библиотеки, ранее считавшейся утраченной, ставит нас перед необходимостью предпринять новое исследование целого ряда проблем книжной и литературной школы. Представляется крайне важным рассмотреть, как задачи церковного строительства определяли развитие тех или иных жанров, каким образом историческая память влияла на процесс собирания свидетельств о старообрядческом движении в различных регионах России и создание на их основе исторического цикла произведений.

Заложив необходимые основы своей культуры, выговцы перешли к формированию собственных традиций. Для подробного исследования нами были выбраны традиции почитания наставников и прославления благодетелей, нашедшие чрезвычайно разнообразное отражение в литературе Выга.

Используя преимущественно новый материал, мы попытались осветить узловые моменты связи духовной жизни и литературы Выга, пред-

¹⁷ Важные для нашего исследования аспекты барочной культуры изучены достаточно полно. Помимо названных работ А. М. Панченко и Л. И. Сазоновой см. также: Сазонова Л. И. Рукопись в культуре русского барокко (XVII век) // Рукопись сквозь века (рукопись как культурный феномен на различных этапах литературного развития): Материалы русско-французского colloquiuma. М.; Париж; Псков, 1994. С. 31–39.

ставить старообрядческое общежитие как целостное явление отечественной культуры.

* * *

Я с радостью пользуюсь возможностью поблагодарить всех, кто оказывал мне помощь и поддержку в моих разысканиях. Я глубоко благодарна моему учителю Н. В. Понырко, определившей мою научную судьбу и стоявшей у истоков этого исследования. Я благодарна светлой памяти Д. С. Лихачеву и его Отделу, где на протяжении многих лет мне была предоставлена возможность обсуждать все находки и гипотезы. Выражаю признательность Е. К. Ромодановской, Н. С. Демковой и С. И. Николаеву за ценные консультации. Благодарю сотрудников Древлехранилища Пушкинского Дома и рукописных отделов БАН, ГИМ, РГБ, РНБ и РГАДА, доброжелательно предоставлявших материалы и помогавших в работе. Я признательна В. А. Любартовичу и А. В. Хвальковскому за неизменно добросердечную поддержку моих занятий. Отдельная благодарность В. П. Бударягину, Е. Г. Водолазкину, Ю. А. Грибову, Е. В. Крушельницкой, О. В. Панченко, А. В. Пигину и Т. Р. Руди, особенно тесно сотрудничавшим со мной и щедро делившимся своими наблюдениями над древнерусской книжностью.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И ДУХОВНЫЕ ИСТОКИ ВЫГА

Возникновение и первые годы существования Выговской пустыни представляют собой наиболее важный и вместе с тем наименее изученный период в полуторавековой истории крупнейшего в России беспоповского центра. Основными источниками сведений о начале Выго-Лексинского общежития служат созданные здесь литературные памятники, прежде всего Слово надгробное Петру Прокопьеву Андрея Денисова и «История Выговской пустыни» Ивана Филиппова. На эти источники в основном и опираются исследователи. Документальный материал по ранней истории Выга был почти неизвестен¹. Находки последних лет позволили восполнить этот пробел и воссоздать более детально предысторию, организацию и становление общежития.

В последней четверти XVII в., с ужесточением преследований старообрядцев, Поморье стало местом прибежища для недовольных церковной реформой патриарха Никона: удаленность от центра, труднодоступность и малозаселенность этого края оставляли староверам надежду укрыться от «мира антихриста». Монахи, покинувшие Соловецкий монастырь во время его осады царскими войсками в 1668—1676 гг., стали главными проповедниками древнего благочестия в Поморье.

¹ Расспросные речи 1695 г. шунжанина Терешки Артемьева, прожившего несколько месяцев в общежитии инока Корнилия, были опубликованы Е. В. Барсовым (ЧОИДР. 1882. Кн. 3. Отд. 5. С. 35—40) и переизданы с привлечением фрагмента, опущенного в публикации Барсова, Н. С. Демковой (*Демкова Н. С. Вновь найденный подлинник «Дела об олонцком раскольнике Терешке Артемьеве» 1695 г. // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 176—189*). Были опубликованы также две отписки Афанасия Холмогорского 1702 г., касающиеся поимки и расспроса старообрядца Ивана Емельянова (ЧОИДР. 1882. Кн. 3. Отд. 5. С. 40—41; *Верюжский В. Выговская пустынь в первые годы существования. Грамота холмогорского архиепископа Афанасия на имя царя, от 1702 г. // Христианское чтение. СПб., 1904. Т. 217. Ч. 2. С. 748—750*).

Соловецкие выходцы имели самое непосредственное отношение к Выговскому общежителюству. Черный дьякон Игнатий часто посещал в Повенце дом Дионисия Евстафьева, отца основателей пустыни, и Андрей Денисов был его крестником (Барс—156, л. 14)². По свидетельству Жития Семена Денисова, Игнатий «приходяше же часто в дом родителей сего мужа Симеона, наставляя на пажить древлего благочестия оныя. <...> Сего аще за малолетство и не помняше сей Симеон, обаче брат его премудрый Андрей добре помъняше и всякаго от него медоточнаго учения насыщен бяше» (Барс—64, л. 16 об.). О тесных отношениях Даниила Викулина с соловецким иеромонахом сообщает выговский историк Иван Филиппов. Игнатий, «пришед ис каргополских предел, живяше близ Повенца в Выговской пустыни и, выходя в село Повенецкое, и в Шунское, и в Толвуйское <...> часто с ним того Шунского села церковной дьячек именем Даниил Викулов беседоваше»³. Даниил Викулин был собеседником и другого соловецкого выходца — чернеца Пимина; именно Пимин предсказал будущему выговскому киновиарху его судьбу (ИВП. С. 35). Келейником Германа Соловецкого был каргополец Василий Быков, принявший постриг с именем Варлаама, позже духовный отец Андрея Денисова, Даниила Викулина и Петра Прокопьева (ИВП. С. 124—126, Зав—3, л. 86). Соборный старец Соловецкого монастыря Геннадий Качалов посещал Толую и Повенец, а затем переселился на Выг, был особенно близок с такими известными впоследствии деятелями общежителюства, как Захарий Стефанов Дровнин и Петр Ануфриев Кошелев (Ег—1137, л. 265—265 об.). Деятельное участие в организации внутренней жизни пустыни принял соловецкий священноинок Пафнутий (ИВП. С. 107).

Не только соловецкие монахи бежали в Поморье; здесь искали убежища и выходцы из других русских монастырей. Как отмечается в выговском Житии Ивана Внифантьева, Иван, услышав о существовании «осталцев от соловецких отец», «ища по многим пустыням около Соловецкого моря и многих обрете, не токмо Соловецкия обители, но и Кириловы Белозерскаго и Корнилиевы Вологоцкаго и прочих, по разным местом, а множае в Выгорецкой пустыни» (Попов—207, л. 165 об.). Среди них были иноки Корнилий, постриженник Корнилиево-Комельского монастыря, исполнявший различные службы при патриархах Филарете,

² В книге принята следующая система отсылок к рукописным источникам: сокращенное название фонда, через тире номер рукописи в собрании, листы. Полные сведения см.: Т. 2 наст. изд.: Шифры рукописей, использованных в работе.

³ *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни (далее — ИВП). СПб., 1862. С. 27. Расшифровку сокращений, используемых здесь и далее при ссылке на опубликованные источники, см. в Списке сокращений в конце данного тома.

вывая здесь свои поселения (по деревенскому типу), все время находились под угрозой преследования, что заставляло их принимать меры к укреплению и возможной обороне своих «селищ». Самосожжение происходило лишь тогда, когда воинская команда, окружив постройки, грозила «добыть» непокорных живыми, что означало либо отказ от старообрядчества, либо предание градскому суду и смертную казнь.

В отношении Палеостровских «гарей» мы пока не располагаем исчерпывающим документальным материалом. Отдельные выявленные документы не дают полной картины этих событий, однако очевидно, что захват старообрядцами Палеостровского монастыря имел особый идейный смысл: попытку повторить подвиг стояния за веру соловецких сидельцев⁵.

По сообщению старообрядческого историка, о том, что Выговская пустынь становится оплотом древнего благочестия, донесли властям Палеостровского монастыря старцы и местные священники: «а писаху в скасках своих и во отписках и в доездах, что выходцы старцы из Соловецкаго монастыря живут, крыются в Выгорецкой пустыни по лесам и выходя ис пустыни, ходят по селам и по погостом и волостям и людей простых учат крепко стояти в старой вере. <...> И многия люди от их учения к церквам не приходят и не причащаются и бегают, дома своя покидающе, крыются с ними в лесах в Выговской пустыни» (ИВП. С. 35). Был организован розыск: «послаша в Выговскую пустыню легких людей на лыжах со оружием и с жожами на взыскание старцов и прочих с ними скитающихся христиан, а жожами Палеостровскаго монастыря старцы и слуги, и начаша взыскивати: овых поймавше, а овия от них убежавше, но гонители которыя келии их взыскавше, ограбиша и огнем сожгоша» (ИВП. С. 37). Поскольку известно, что многие келии, в том числе и келья Игнатия Соловецкого, находившиеся в самых глухих местах, ближе к центру района, остались неразоренными, можно предположить, что эта «посылка» зимы 1687 г. прошла только по краю Выговской пустыни. Игнатий не стал дожидаться прихода воинской команды: «Умысли дивный отец, — пишет выговский историк, — предивныя памяти достойное умышление и собравшись со своими, поиде на лыжах ко Онегу от гонительства их и прешед чрез Онего и пришед в Палеостровский монастырь, затворися со своими ученики, тамошних же жителей, желающих

⁵ См.: *Шашков А. Т.* Самосожжения как форма социального протеста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII — начале XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 296—297.

благочестия, к себе прияша» (ИВП. С. 38). В решении Игнатия предупредить дальнейшее продвижение солдат вглубь, покинуть свои уже обжитые места и захватить монастырь на острове Палья можно усмотреть стратегический маневр: старообрядческие «пристанища», которыми позже воспользовались основатели общежительства, остались неразоренными.

Под монастырь была послана воинская команда в 300 человек «или болши» (согласно Ивану Филиппову, 500 — ИВП. С. 38), которым царским указом от 13 февраля 1687 г. предписывалось, в случае неповиновения старообрядцев, «по последней мере» «чинить промысл и радеть о том, чтоб однолично тех воров искоренить и из монастыря выбить и монастырь очистить, а переимав, о том воровстве розыскивать»⁶. Некоторые из сподвижников Игнатия, в том числе Емельян Иванов сын Второго, прозванный также Повенецким, покинули Палеостров; оставшиеся же, оказав вооруженное сопротивление осаждающим, погибли в огне 4 марта 1687 г.

Через полтора года, летом и осенью 1688 г., события повторились.

Относительно второй «гари» мы имеем возможность подтвердить данными документальных источников фактическую сторону повествования «Истории Выговской пустыни».

Емельян Повенецкий вновь поселился в Выговской пустыни⁷, выходя отсюда проповедовать старую веру в окрестные селения (ИВП. С. 46—47). Об этом сообщал и митрополит Новгородский Корнилий олонецкому воеводе Василию Долгорукову: «в Олонецком уезде явился прежний вор и церковный раскольник Омелька Иванов, который в прошлом во 195 (1687) г. своим злодейством многие христианские души от церкви Божией, прельстя, отлучил, и в Палеостровском монастыре згорели <...> а ныне он же прелестник в Толвуйском и в иных погостех той же своей прелести поучал и православных христиан прельстил, из домов, подговаривая, уводит в скверное свое соборище, а собрание его, чаять,

⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 3616. Л. 4.

⁷ В 1700 г. игумен Палеостровского монастыря Кирилл в изветной челобитной отмечал, что Емельян Иванов в 1687 г. «ис того нашего монастыря выбежал на лес в свои воровские прежние станы, ис которых выходил наперед того в Шунской и в Толвуйской и в Челмужской погосты» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4816. Л. 41). О Емельяне Повенецком см. интересную статью А. Т. Шашкова: *Шашков А. Т.* Иван Евстафьев Второго и его сын Емельян (из истории социального и религиозного протеста жителей Заонежья во второй половине XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 333—346.

было за озером Онегом промеж Чолможского погоста и Повенецкого рядку на лесу в пустых местах, от озера Онега верстах в 30-ти»⁸ (т. е. речь идет именно о тех местах, где позднее было основано Выговское общежительство). Следствием этого и, возможно, других доношений стала посылка экспедиции Аникея Портновского, который в июле 1688 г. прибыл в Шунгский и Толвуйский погосты, а затем направился в Выговскую пустынь и «начаша по лесам ходити и взыскивати; овых имаше и мучаше, которыя келии взыскиваше и сожигаше» (ИВП. С. 48). Емельян Повенецкий последовал примеру старца Игнатия: опередил гонителей и, на захваченных у них судах переправившись через Онежское озеро, засел в Палеостровском монастыре (ИВП. С. 54—55). Портновскому пришлось отъехать в Кижский погост и сноситься на предмет дальнейших действий с Олонцом и Новгородом.

18 октября 1688 г. состоялось царское решение послать под монастырь ратных людей и сделать все, чтобы не повторилось Соловецкое сидение: «не доходя до монастыря и не оказав ратных людей, велеть тех воров и раскольников <...> уговаривать <...> а будет не здадутца и учнут в том монастыре запершись сидеть, и их тем ратным людем велеть потеснить и добывать, как возможно, чтоб конечно их воров переимать, к распространению воровства их не допустить и взять их всячески или голодом выморить, и как они их воров переимают и их велеть держать в тюрьмах крепких и за крепким караулом»⁹. Действия под стенами монастыря приняли военный характер. 23 ноября 1688 г. датируется вторая Палеостровская «гарь». В числе погибших были Емельян Иванов и Герман Соловецкий.

Толвуйский крестьянин Мартемьян Никифоров Ивантеев в 1699 г. сообщал в своем извете, что некоторым старообрядцам удалось покинуть это собрание и они вернулись в свои прежние выговские жилища: «многие, ушед, собрались в вышеписанной в воровской стан у Выгу реки»¹⁰. Таким образом, очевидно, что избежавшие самосожжения ученики Игнатия и Германа Соловецких стали одними из первых выговских жителей. Более того, в источнике содержится прямое указание, что Емельян Повенецкий приходился родным племянником Дионисию Евстафьеву, а

⁸ Барсов Е. В. Новые материалы для истории старообрядства XVII—XVIII веков. М., 1890. С. 30. См. также челобитную палеостровского игумена Кирилла 1700 г.: РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4816. Л. 41.

⁹ Там же. С. 31. См. также: АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 252—262.

¹⁰ Юхименко Е. М. Изветные челобитные на выговских старообрядцев 1699 г. // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 198.

соответственно Андрею и Семену Денисовым двоюродным братом: «того же воровского расколнического стану бывшей началник и пуцей вор Емелка Второго <...> Дениску Второго родной племянник»¹¹.

Существование старообрядческих поселений в Выговской пустыни продолжало беспокоить власти. В начале 1691 г. холмогорский архиепископ Афанасий сообщил в Москву патриарху Адриану, что в его епархии

¹¹ Юхименко Е. М. Изветные челобитные... С. 198. Предположение, не имевшее, однако, документального подтверждения, о принадлежности братьев Денисовых и Емельяна Повенецкого к одному роду выдвигал Н. И. Барсов, обративший внимание на то, что эти люди носили одну и ту же фамилию Второго (*Барсов Н.* Братья Андрей и Семен Денисовы. Эпизод из истории русского раскола. М., 1866. С. 53). Как убедительно показала Р. Б. Мюллер, материалы, касающиеся выступлений крестьян Шунгского погоста против Тихвинского монастыря, свидетельствуют, что во главе этого движения стояли посадские люди братья Иван и Яков Евстафьевы (*Мюллер Р. Б.* Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем // *ИЗ.* М., 1953. Т. 43. С. 238—244) и Емельян Иванов сын Второго был сыном Ивана Евстафьева (*Мюллер Р. Б.* Из истории раскола на Севере России (Самосожжения в Палеострове) // *Ежегодник МИРиА.* М.; Л., 1958. Т. 2. С. 179—180). Следует заметить, что Андрей Денисов, излагая свою родословную, называет по именам лишь двух сыновей Евстафия (бывшего, видимо, вторым сыном Ивана Борисовича Мышецкого, откуда и пошла фамилия Второго) — своего отца Дионисия и Якова, приходившегося дедом Петру Прокопьеву (см.: *Беляев И. Д.* Слово надгробное блаженныя памяти боголюбивому Выгопустынного общежительства еклисиарху Петру Прокопьевичю; сочинено того же общества господином Андреем Дионисиевичем // *Русская старина.* СПб., 1879. Т. 26. Ноябрь. С. 527). Таким образом, есть все основания утверждать, что как предводители шунгского крестьянства 70-х гг. XVII в. Иван и Яков Евстафьевы, так и организатор Палеостровских гарей 1687 и 1688 гг. Емельян Иванов и основатели Выговского общежительства Андрей и Семен Денисовы и Петр Прокопьев принадлежали к одному роду. И. А. Чернякова, обнаружившая документальные подтверждения служения в повенецкой церкви деда и прадеда Андрея и Семена Денисовых, допускает очевидную ошибку, восстанавливая их родословное древо (*Чернякова И. А.* Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 243). Согласно этим построениям, отцом братьев Денисовых оказывается мифический Денис Иванов Второй, что противоречит прямому свидетельству самого Андрея Денисова и сведениям Ивана Филиппова, согласно которым отец братьев Денисовых носил отчество «Евстафьевич» (ИВП. С. 360). Стрым, т. е. дядей, называл Семена Денисова Петр Прокопьев, обращаясь к нему перед своей смертью (Зав—3, л. 89). Нет сколь-либо убедительных доказательств выдвинутой гипотезе и в другой работе И. А. Черняковой (*Чернякова И. А.* «Родословное древо Андрея и Семена Денисовых» — легенда или фальсификация // *Православие в Карелии.* Петрозаводск, 2000. С. 161—172).

«за вотчинами Соловецкого монастыря, будто на лесах поселилось раскольников человек в пять сот и болше многия лета»¹². Поскольку Обонежье находилось на границе двух епархий — Новгородской и Холмогорской — и Олонец, откуда только и можно было добраться в заонежские леса, относился к Новгородской епархии, патриаршей грамотой от 22 июня 1691 г. новгородскому митрополиту Корнилию было поручено организовать розыск. Однако олонецкий воевода Л. А. Стрешнев розыск «остановил», сославшись на отсутствие царского указа. В августе 1691 г. митрополит Корнилий получил сведения, подтверждающие и уточняющие сообщение Афанасия Холмогорского: строитель Палеостровского монастыря иеромонах Иоаким доносил о старообрядческих поселениях «в диких лесах» «против Палеострова на Заонежской стороне»¹³. Совершенно очевидно, что речь здесь идет о Выговской пустыни. В «скаске» иеромонаха Иоакима сообщалось также, что «ис тех, де, воровских пристанищ приезжал нынешние весны учитель их воровской чернец и жил Олонецкого ж уезда в Толвуйском и Шунском погостех многое время и тех же погостов жилецких людей перекрещивал и причащал по своему воровскому обыкновению»¹⁴. Эти сведения повергли в ужас самого палеостровского строителя, поскольку были еще живы в памяти события 1687—1688 гг., и внушили серьезные опасения новгородскому митрополиту, обратившемуся к царям Ивану и Петру с просьбой об организации сыска. Решение по этой отписке было положительным, и 18 сентября 1691 г. на Олонец воеводе Л. А. Стрешневу была послана царская грамота¹⁵.

В отписке, направленной в Москву по получении этой грамоты, Стрешнев объяснял причины «нерадения», в котором его обвинял митрополит Корнилий. Без точных сведений о местонахождении и числе участников старообрядческого собрания послать служилых людей невозможно: «немногих людей послать <...> опасно», а от большой посылки «крестьяном добрым людям чинитца многое разоренье и убытки»¹⁶. Кроме того, те земли, в которых предстояло «сыскивать» старообрядцев, являлись вотчинами Вяжицкого (Толвуйский погост) и Тихвина (Шунгский погост) монастырей, и по царской грамоте от 1 декабря 1689 г. крестьяне этих вотчин были на Олонце неподсудны, и посылки туда с

¹² Юхименко Е. М. Первые официальные известия о поселении старообрядцев в Выговской пустыни // Старообрядчество в России (XVII—XVIII вв.). М., 1994. С. 168 (в приложении опубликовано дело 1691 г.: РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4020. Л. 110—119).

¹³ Там же. С. 169.

¹⁴ Там же. С. 169.

¹⁵ Там же. С. 164.

¹⁶ Там же. С. 174.

Олонца «ни для каких дел» не разрешались¹⁷. Административная неразбериха весьма благоприятно сказалась на истории выговского старообрядчества: в этих условиях организация широкого сыска и посылка воинской команды были крайне затруднительны.

Другим обстоятельством, способствовавшим тому, что направленные против старообрядцев усилия властей не давали результата, была поддержка местного крестьянства, которая проявилась и во время палеостровских событий («а тех же вышеписанных мест жители им, вора́м, всякую помочь чинили и пристань им держали и подводы им давали»)¹⁸. Л. А. Стрешнев обращает внимание на то, что в Олонецкую приказную избу «и по се время» прямого извета на заонежских старообрядцев не поступало, о приходе старообрядческого чернеца в Толвуйский и Шунгский погосты не извещали властям ни монастырские приказные старцы, ни старосты, ни мирские люди¹⁹.

Во исполнение царской грамоты воевода разослал «во весь Олонецкой уезд к старостам и к мирским людям о подлинном проведыванье и о поимке таких воров и церковных расколников памяти, чтоб они таких воров проведали всякими сыски накрепко и поимали безо всякие поноровки, не укрывая никого ни для чего, и прислали на Олонец тотчас»²⁰. По всей видимости, крестьяне вновь не проявили радения (ведь в заонежские леса уходили их родственники и соседи), и дело 1691 г. продолжения не имело.

Власти получили верные сведения о скоплении старообрядцев «в диких лесах» Обонежья. Это подтверждается рядом других, более поздних источников, в том числе выговских.

Приток новых жителей постепенно нарастал, большинство их составляли местные крестьяне, «понеже ведяше Выговскую пустыню от бегящих и крыющихся населяему христиан» (ИВП. С. 98). Особенно знаменателен в истории заселения Выга был именно 1691 г., когда в Выговскую пустынь пришли повенчане Петр Прокопьев (в первых числах

¹⁷ Юхименко Е. М. Первые официальные известия... С. 172. Толвуйский и Шунгский погосты в течение XVII в. неоднократно приписывались к названным монастырям и вновь отписывались на государя. В 70-е гг. XVII в. эти погосты окончательно отошли к монастырям: Шунгский в 1672 г. и Толвуйский в 1678 г., что послужило причиной многолетнего крестьянского недовольства и волнений. Подробнее см.: Мюллер Р. Б. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем. С. 237—245; Она же. Из истории раскола на Севере России. С. 172—182.

¹⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. Д. 4816. Л. 38.

¹⁹ Юхименко Е. М. Первые официальные известия... С. 173.

²⁰ Там же. С. 174.

октября) (ИВП. С. 96), Андрей Денисов и Иван Белоутов (в конце декабря) (ИВП. С. 98—99), толвуянин Захарий Дровнин с отцом, матерью и сестрами (ИВП. С. 100—101). Некоторые поселенцы, например Андрей Денисов и Иван Белоутов, начали житие, «ни стены, ни покрова от зимняя студени имуще, огненной точию приседающе нудии»²¹ и от принесенных с собою потреб мало вкушающе», лишь летом они построили себе келью между Тагозером и озером Белым (ИВП. С. 99). Другие же воспользовались стоявшими здесь опустевшими кельями. Захарий Дровнин поселился в келье старца Кирилла, на пути от реки Выг к озеру Огорельши, затем перешел на реку Выг (ИВП. С. 101). Даниил Викулин и Петр Прокопьев «с товарищи» поселились на Сароозере в келье Игнатия Соловецкого (ИВП. С. 95—96), а в 1692 г. перешли на речку Рязанку в келье Емельяна Повенецкого (ИВП. С. 98).

Поселившиеся в Выговской пустыни старообрядцы поддерживали тесную связь с окрестными жителями не только ради хозяйственных потреб, но ради укрепления людей в старой вере и умножения числа выговских насельников. Не приходится сомневаться в достоверности сообщения строителя Палеостровского монастыря Иоакима о том, что весной 1691 г. в Толвуйский и Шунгский погосты приходил из Выговской пустыни «воровской чернец», который перекрещивал и причащал местных жителей. Трудно с уверенностью связать этот факт конкретно с кем-то из старцев, живших в то время на Выгу. Это мог быть соловецкий инок Питирим, который, как сообщает Иван Филиппов, «вышед ис пустыни в волости зимою (1691/1692 г. — Е. Ю.) для потреб своих нужных», был схвачен в Космозерском селе (ИВП. С. 96). Он был послан за караулом на Олонец, но Даниил Викулин, «ибо в то время прилучися он в Шунском погосте, крися втай у христолюбцев», организовал погоню, и старца отбили (ИВП. С. 96—97).

Годы, непосредственно предшествовавшие основанию общежительства, нашли отражение не только в «Истории Выговской пустыни», но также в официальном документе. Эти два источника подтверждают и дополняют друг друга.

К 1692 г. относятся сведения, которые сообщал о выговских поселениях Терентий Артемьев в 1695 г. («тому идет времени третьей год»). Сам расспрашиваемый пробыл два дня в скиту инока Корнилия. Это поселение состояло из 10 келий, стоявших «врознь» по берегу Выга; начало ему было

²¹ Нудья — долго горящий костер из нескольких чурбанов, положенных в один ряд друг над другом (*Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. С. 97*).

положено в середине 1680-х гг.: «И в зборе, де, у него расколников из разных городов и мест мужеска полу и женска, жонок и девок и стариц, по смете человек со сто. <...> на реке, против тех келей, построена мельница. <...> построены есть у келей малыи хороминки на столбах, и в них держат хлеб, а папуг оне хлеб без лошадей, а землю розмягчают собою железными кокотами. <...> А женеск, де, пол от мужеска полу живут особо, а не в одних кельях»²². Выговский историк со своей стороны также отмечает, что в скиту инока Корнилия (находившемся немного выше по течению от Сергиева скита) жили «нужным пустынным житием»: «пашню пахаша копорюгою, под гарей сеяша и от того питашеся» (ИВП. С. 104). Позднее здесь был у выговцев «кирпичный завод» (ИВП. С. 104).

Другое поселение — «Данилкино пристанище», о котором сообщил Терентий Артемьев, находилось также на берегу Выга, вверх по течению, и было основано позже скита инока Корнилия, «тому года с четьре» (т. е. около 1691 г.)²³. Скорее всего, речь идет о том месте, где при впадении реки Рязанки в Выг стояли «Емельянова строения келии» и куда Даниил Викулин пришел (и возобновил поселение) в 1692 г. (ИВП. С. 98). В «Данилкином пристанище» привлеченный к следствию шунжанин сам не был и знал о нем только понаслышке: «...а с ним, де, в зборе с Москвы, и с Нижнего, и с иных городов, и с Олонецкого уезду, и из иных разных мест мужеска полу и женска, жонки и девки, и робята — многое число <...> и непрестанно, де, множатца»²⁴. Часовни здесь, видимо, не было, служили в моленной: Андрей Денисов, приходя к Даниилу Викулину, «на Рязани тогда обитающу (т. е. жившему на реке Рязанке. — Е. Ю.), и с ним овогда уболения и молитвы Богу приношаху, овогда же Божественная прочитающе словеса» (ИВП. С. 99). «Данилкино пристанище» носило очевидный мирской характер. Хозяйство было более обширным, чем в скиту инока Корнилия: «а хлеб, де, оне папуг на лошадех, а лошадей у них в том пристанище з десятков, и хлеба, де, у них напахано про свой обиход есть; а рыбу, де, ловят на диких озерах и в Выгу-реке около своих пристанищ»²⁵.

Несомненна типологическая близость поселения Даниила Викулина к дорским «селищам», подробное описание которых сохранилось в следственном деле о каргопольских старообрядцах: ушедшие из родных мест крестьяне выстроили деревню, расчистили землю под пашню, занялись земледелием и рыболовством²⁶.

²² Демкова Н. С. Вновь найденный подлинник... С. 182—183.

²³ Там же. С. 184.

²⁴ Там же. С. 184.

²⁵ Там же. С. 184.

²⁶ См.: Юхименко Е. М. Каргопольские «гари»... С. 75—79.